

Ржавчина / новелла

Category: Neकायálar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Ржавчина / новелла РЖАВЧИНА

У него в жизни была только одна неуголимая страсть: охота. Он охотился ежедневно, с утра до вечера, с неистовым увлечением. Он охотился зимой и летом, весной и осенью; охотился по болотам, когда закон воспрещал полевую и лесную охоту; охотился с ружьем, со сворой, с легавыми, с гончими, в засаде, с зеркалом, с хорьками. Он только и говорил, что об охоте, бредил охотой и повторял беспрестанно:

– Как, должно быть, несчастен человек, который не любит охоты! Ему стукнуло пятьдесят лет, однако он был здоров, свеж, хотя и лыс, немного тучен, но силен; он подбривал снизу усы, обнажая губы и оставляя свободным весь рот, чтобы легче было трубить в рожок.

В округе его звали просто по имени: г-ном Гектором. Именовался же он бароном Гектором Гонтраном де Кутелье.

Он жил среди лесов, в маленькой, доставшейся ему по наследству усадьбе, и, несмотря на знакомство со всею аристократией департамента и встречи со всеми ее мужскими представителями на охотничьих сборах, был частым гостем только в одной семье – у Курвилей, своих милых соседей, связанных вековой дружбой с его родом.

В этом доме его любили, ласкали, баловали, и он говаривал:

– Не будь я охотником, я хотел бы навсегда остаться у вас.

Г-н де Курвиль был его другом и товарищем с детства. Дворянин и сельский хозяин, он спокойно жил с женою, дочерью и зятем, г-ном Дарнето, который под предлогом занятий историей не делал ровно ничего.

Барон де Кутелье часто обедал у своих друзей особенно потому, что любил рассказывать им о своих охотничьих приключениях. У него был огромный запас историй о собаках и хорьках, и он говорил о них, как о замечательных, хорошо ему знакомых существах. Он раскрывал их мысли и намерения, разбирал и

пояснял их.

– Когда Медор увидел, что коростель заставляет его бегать понапрасну, он сказал себе. «Погоди же, голубчик, мы еще посмеемся». И, сделав мне знак стать в углу клеверного поля, он стал искать наискось, с намеренным шумом раздвигая траву, чтобы загнать дичь в угол, откуда она не могла бы уже ускользнуть. Все случилось, как он предвидел: коростель в один миг очутился на краю поля. Но дальше ему уже некуда деться, его заметят. «Попался, – сказал он себе, – дело дрянь!» И притаился. Тогда Медор делает стойку, погладывая на меня; я подаю ему знак, он гонит. Брру!.. коростель взлетает... я прикладываюсь... бац!.. он падает, и Медор приносит его мне, махая хвостом и словно спрашивая: «Ну, как? Чисто сделано, господин Гектор?»

Курвиль, Дарнето и обе женщины хохотали до упаду над этими живописными рассказами, в которые барон вкладывал всю душу. Он оживлялся, размахивал руками, двигался всем телом, а описывая смерть дичи, смеялся оглушительным смехом и всегда спрашивал в виде заключения:

– Недурная история?

Едва только заговаривали о другом, он переставал слушать, отсаживался в сторону и насвистывал, подражая охотничьему рожку. И когда в промежутке между двумя фразами наступило молчание, в эти минуты внезапной тишины вдруг раздавался охотничий сигнал: «Тон-тон, тон-тэн, тон-тэн»; это напевал барон, раздувая щеки, словно трубил в рожок.

Он жил только для охоты и старился, не замечая, не видя этого. Как-то вдруг у него сделался приступ ревматизма, уложивший его на два месяца в постель. Он чуть не умер с горя и тоски. Так как женской прислуги у него не было, а кушанье готовил ему старый слуга, он не мог добиться ни горячих припарок, ни всех тех мелких услуг, которые необходимы больным. Сиделкой у него был доезжачий, и этот оруженосец, скучая наравне с хозяином, день и ночь спал в кресле, в то время как барон выходил из себя и ругался на все лады, лежа в постели.

Дамы де Курвиль приезжали иногда навестить барона, и это были для него часы покоя и блаженства. Они приготавливали ему

лекарственную настойку, поддерживали в камине огонь, устраивали восхитительные завтраки у его постели, и когда они уезжали, он бормотал:

– Черт возьми! Вам следовало бы сюда совсем переселиться.

И они хохотали от всей души.

Он поправился, снова стал охотиться по болотам, и ему случилось однажды вечером зайти к своим друзьям; но прежней живости и веселости у него уже не было. Его мучила неотступная мысль – боязнь, что боли вернутся до открытия охоты. Когда он прощался и когда дамы закутывали его в шаль и повязывали ему шею фуляром – что он позволил сделать в первый раз за всю жизнь, – он прошептал с отчаянием в голосе:

– Если это снова начнется, то я конченный человек.

Когда он ушел, г-жа Дарнето сказала матери:

– Нужно женить барона!

Все всплеснули руками. Как они не подумали до сих пор об этом? Весь вечер перебирали знакомых вдов, и выбор остановился на одной женщине лет сорока, г-же Берте Вилер, еще красивой, достаточно богатой, здоровой и с отличным характером.

Ее пригласили провести месяц в замке. Ей было скучно дома, и она приехала. Она была подвижна и весела; г-н Кутелье понравился ей сразу. Он забавлял ее, как живая игрушка, и она целыми часами лукаво выпрашивала его о чувствах кроликов, о кознях лисиц. Он с полной серьезностью различал несходные повадки разных животных и приписывал им хитрые планы и рассуждения, словно близко знакомым людям.

Внимание, которое она ему оказывала, восхищало его, и однажды вечером, в знак особого уважения, он пригласил ее с собой на охоту, чего никогда еще не делал ни для одной женщины. Приглашение это показалось ей таким забавным, что она приняла его. Сборы на охоту превратились в праздник: все приняло участие в этом, каждый что-нибудь предлагал, и она появилась наконец, одетая под амазонку, в сапогах, в мужских штанах, в короткой юбке, в бархатной куртке, слишком узкой для ее груди, и в егерской фуражке.

Барон чувствовал себя до того взволнованным, как будто

отправлялся охотиться в первый раз. Он объяснял ей во всех подробностях направление ветра, различные стойки собак, способ стрелять по дичи; затем выпустил ее в поле, следуя за ней по пятам с заботливостью кормилицы, наблюдающей за первыми шагами своего питомца.

Медор напал на след, пополз, сделал стойку, поднял лапу. Барон, стоя за своей ученицей, дрожал, как лист, и лепетал: – Внимание, внимание, куро... куро... куропатки!

Не успел он сказать, как сильный шум поднялся с земли – брррр, брррр, брр! – и выводок жирных птиц взлетел на воздух, хлопая крыльями.

Г-жа Вилер, растерявшись, зажмурилась, выпустила два заряда, отступила на шаг из-за отдачи ружья, и когда снова овладела собой, то увидела, что барон пляшет, как безумный, а Медор несет в зубах две куропатки.

С этого дня г-н Кутелье влюбился в нее.

– Какая женщина! – говорил он, возводя глаза к небу.

Теперь он стал приходить каждый вечер, чтобы поболтать об охоте. Однажды г-н де Курвиль, провожая его домой и слушая восторженные восклицания по поводу новой приятельницы, неожиданно спросил:

– Почему бы вам на ней не жениться?

Барон был поражен.

– Я?... мне?... жениться на ней?... но... но... в самом деле...

И он умолк. Затем, торопливо пожав руку своего спутника, пробормотал: «До свидания, друг мой», – и исчез в темноте, размахисто шагая.

Три дня он не показывался. Когда же пришел опять, то совсем побледнел от долгих раздумий и был серьезнее обыкновенного. Отведя в сторону г-на де Курвиль, он сказал:

– У вас тогда была великолепная мысль. Постарайтесь расположить госпожу Вилер в мою пользу. Черт возьми, такая женщина, можно сказать, создана для меня. Мы будем с ней охотиться круглый год.

Г-н де Курвиль, уверенный в том, что отказа не встретится, отвечал:

– Делайте предложение немедленно, друг мой. Хотите, я возьму

это на себя?

Но барон внезапно смутился и пробормотал:

– Нет... нет... мне придется сперва совершить одно маленькое путешествие... маленькое путешествие, в Париж. Как только вернусь, я сообщу вам окончательный ответ.

Никаких других объяснений от него нельзя было добиться, и он уехал на следующий день.

Поездка длилась долго. Прошла неделя, другая, третья, а г-н де Кутелье не возвращался. Супруги Курвиль, удивленные, обеспокоенные, не знали, что и сказать своей приятельнице; они уже предупредили ее о намерениях барона. Через день к нему посылали на дом за вестями, но никому из его слуг ничего не было известно.

Однажды вечером, когда г-жа Вилер пела, аккомпанируя себе на рояле, в комнату с великой таинственностью вошла няня, вызвала г-на де Курвиля и сказала ему шепотом, что его спрашивает один господин. То был барон, постаревший, изменившийся, в дорожном костюме. Едва завидев своего друга, он схватил его за руку и сказал усталым голосом:

– Я только что приехал, мой дорогой, и прибежал к вам, я больше не могу ждать.

Затем он замялся, видимо, смущенный:

– Я хотел вам сказать... тотчас же... что с этим... что с этим делом... ну, вы знаете... ничего не вышло...

Г-н де Курвиль ошеломленно смотрел на него.

– Как? Ничего не вышло? Почему?

– О, не спрашивайте меня, пожалуйста, мне слишком больно говорить об этом, но будьте уверены, что я поступаю... как честный человек. Я не могу... Я не имею права, понимаете, не имею права жениться на этой даме. Я подожду, пока она уедет, и тогда приду к вам; видеть ее для меня слишком мучительно. Прощайте.

И он убежал.

Вся семья обсуждала его слова, спорила, строила тысячи предположений. Пришли к заключению, что в жизни барона была какая-то тайна, быть может, незаконные дети, а то и старая

связь. Словом, дело было, по-видимому, серьезное; во избежание затруднительных осложнений г-жу Вилер осторожно предупредили, и она как приехала, так и уехала вдовой.

Прошло еще три месяца. Однажды вечером, плотно пообедав, немного выпив и закулив в обществе г-на де Курвиля трубку, г-н де Кутелье сказал ему:

– Если бы вы знали, как часто я вспоминаю о вашей приятельнице, вам бы стало меня жалко.

Тот, несколько задетый поведением барона в этом деле, высказался не без горячности:

– Черт возьми, друг мой, когда в жизни человека есть тайны, не заходят так далеко, как зашли вы. Могли же ведь вы конце концов предвидеть причины своего отступления!

Барон, смутившись, перестал курить.

– И да, и нет. Словом, я не ожидал того, что случилось.

Г-н де Курвиль раздраженно возразил:

– Все надо предвидеть.

Но г-н де Кутелье, вглядываясь в темноту, чтобы увериться, что их никто не слышит, сказал шепотом:

– Я отлично понимаю, что обидел вас, и расскажу вам всю правду, чтобы заслужить прощение. Вот уже двадцать лет, друг мой, как я живу только охотой. Я люблю только охоту, как вы знаете, и занимаюсь только ею. В ту минуту, когда я должен был принять на себя обязательства по отношению к этой даме, одно сомнение взяло меня, одна беспокойная мысль. С тех пор, как я отвык от... от... любви, что ли, я не был уверен, способен ли... способен ли я... вы понимаете... Подумайте-ка, вот уже ровно шестнадцать лет, как я... как я... как я... в последний раз... ну, да это ясно. Здесь, в нашем краю, это не так легко... не так легко... вы согласитесь с этим. К тому же у меня были другие дела. Я предпочитаю стрелять из ружья. Короче говоря, в ту минуту, когда я должен был связать себя обязательствами перед мэром и священником насчет... насчет того... что вам известно... я испугался. Я сказал себе: «Дьявольщина! а что, если... что, если вдруг... осечка?» Честный человек никогда не нарушает принятых на себя обязательств, а ведь я брал на себя священные обязательства по отношению к этой особе. Словом, для очистки

совести я решил поехать на неделю в Париж.

Неделя кончается – и ничего, ровно ничего! И не потому, чтобы я не пытался. Я брал все, что было самого лучшего и во всевозможных вкусах. Уверяю вас, они делали все, что могли... Да... уж, конечно, они ничего не упустили... Но что поделаешь? Они всегда отступались... ни с чем... ни с чем... ни с чем...

Я подождал еще две недели, затем три недели, продолжая надеяться. Я проглотил в ресторанах множество острых блюд, чем окончательно расстроил себе желудок... и... и... ничего... всегда – ничего!

Вы понимаете, что при таких обстоятельствах, ясно все это установив, мне ничего не оставалось, как только... только... отступить... Что я и сделал...

Г-н де Курвиль напрягал все силы, чтобы не расхохотаться. Он значительно пожал руку барону, промолвив: «Мне очень жаль вас», – и проводил его полдороги. Затем, очутившись наедине с женой, он рассказал ей все это, задыхаясь от смеха. Но г-жа де Курвиль не смеялась; она слушала внимательно и, когда муж кончил, ответила ему с глубокой серьезностью:

– Барон – глупец, друг мой, он просто испугался. Я напишу Берте, чтобы она приезжала, и поскорее.

А когда г-н де Курвиль сослался на длительные и безуспешные опыты своего друга, она сказала:

– Пустяки! Если только муж любит жену, понимаете, это... возвращается.

И г-н де Курвиль, сам немного сконфузившись, не ответил ничего.

Напечатано в «Жиль Блас» 14 сентября 1882 года под заглавием «Господин де Кутелье» («M. de Coutelier») и за подписью Мофриньёз.

...с хорьками... – С помощью хорьков французские охотники выгоняют кроликов из нор.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской Neкаýalar